
Банковский «Синдикат 18 октября 1912 г.»: опыт сотрудничества Государственного и частных банков на Санкт-Петербургской бирже

Павел Лизунов, Владимир Морозан

**Banking «Syndicate October 18, 1912»: the experience of cooperation
between State and private banks on Saint Petersburg Stock Exchange**

*Pavel Lizunov (Northern (Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia),
Vladimir Morozan (Saint Petersburg State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870015460-7

В отечественной историографии недостаточно изучена деятельность частных коммерческих структур и Государственного банка Российской империи на фондовом рынке. Между тем она обеспечивала стабильность повседневной работы Санкт-Петербургской биржи. При этом до 1894 г. у Государственного банка не было рычагов влияния на курс корпоративных ценных бумаг. Он имел право покупать за свой счёт исключительно государственные ценные бумаги и только на сумму, не превышающую собственный капитал, поэтому не мог серьёзно влиять на фондовые торги с дивидендными бумагами. По новому уставу Государственный банк получил право покупать и продавать бумаги частных предприятий, принимая их в залог без ограничения сумм затрат. Однако эта возможность использовалась исключительно для снабжения портфеля ходовыми бумагами, покупка фондовых инструментов для поддержания курса не практиковалась. Но опосредованно, через другие кредитные институты, Государственный банк такие операции проводил, и на весьма значительные суммы.

После окончания экономического кризиса (1899—1903) и затянувшейся депрессии в России с 1909 г. наблюдалась активизация торгово-промышленной жизни, наметился подъём курсов русских ценных бумаг, увеличивались биржевые обороты. Большинство дивидендных бумаг росли в цене вплоть до начала первой Балканской войны. 18 сентября 1912 г. в течение одного часа почти все акции подешевели. Биржевое собрание в тот день полностью прошло в бланковых запородах и реализационных операциях за счёт частных лиц¹. Стихийная паника на бирже оказалась неожиданной для финансистов. 18 сентября главы почти всех крупнейших петербургских банков совещались с высшими чиновниками Министерства финансов, которые сразу заявили, что Россия не примет прямого участия в Балканской войне.

20 сентября на совещании биржевых и банковских деятелей, созванном по инициативе директора Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов Л.Ф. Давыдова, положение на бирже было признано «не внушающим серьёзного опасения». Однако отмечалось, что коммерческие

© 2021 г. П.В. Лизунов, В.В. Морозан

¹ Биржевая сделка, заключённая «без покрытия», т.е. без действительной передачи акций (*in blanco*), в расчёте на понижения курса бумаг. Участников сделки называли бланкистами или понижателями.

банки 18 сентября «не проявили никакой энергии к борьбе со стремительным падением цен»². 24 сентября 1912 г., накануне вступления в войну Черногории, крупнейшие петербургские банки объединились для покупки акций, предупредив этим возможную панику на бирже.

Тем временем Министерство финансов всячески стремилось поддержать фондовый рынок, пыталось объединить банки и боролось с понижательной спекуляцией. Развёрнутая при его поддержке интервенция³ банков остановила дальнейшее обесценивание наиболее солидных дивидендных бумаг и умерила аппетиты понижателей-бланкистов. Однако некоторые «внеинтервенционные» банки использовали сложившуюся ситуацию в своих интересах. На совещаниях в Кредитной канцелярии и Государственном банке предпринимались попытки регулировать взаимоотношения банков, привлечь большую их часть к общему делу поддержания биржи⁴.

По инициативе министра финансов В.Н. Коковцова 18 октября 1912 г. петербургские банки образовали новый синдикат. По опыту предыдущего синдиката 1899—1911 гг., его целью являлось «предотвращение неосновательного падения цен обращающихся на Петербургской бирже дивидендных бумаг путем покупки и продажи соответствующих акций и паёв»⁵. Особо оговаривалось, что синдикат «отнюдь не задается целью поднимать цены на эти бумаги и будет оперировать лишь в отношении таких предприятий, жизнеспособность коих не вызывает сомнений»⁶.

Предельная сумма затрат синдиката была определена в размере 30 млн руб. При этом устанавливались разные доли участия. По 1,75 млн руб. внесли Волжско-Камский коммерческий, Русский для внешней торговли, Петербургский международный коммерческий, Петербургский учётный и ссудный, Петербургский частный коммерческий, Русско-Азиатский, Русский торгово-промышленный, Азовско-Донской коммерческий, Московский купеческий, Коммерческий в Варшаве, Сибирский торговый коммерческий и Соединённый банки. По 1,25 млн руб. внесли Русско-Французский коммерческий, Русско-Английский, Петербургский торговый, Московский банки. Доля «И.В. Юнкер и К°» составляла 1 млн руб., а «Э.М. Мейер и К°», «Маврикий Нелькен», «Лампе и К°», «Братья Джамгаровы», «Кафталъ, Гандельман и К°», «Г. Лесин» внесли по 500 тыс. руб. Суммы, требовавшиеся для биржевых операций, авансировались Государственным банком по мере необходимости.

Дав предварительное согласие 18 октября, советы банков принимали окончательное решение об участии в работе синдиката несколько позднее. Так, председатель совета Московского купеческого банка А.Д. Шлезингер сообщил о решении вступить в синдикат телеграммой от 20 октября 1912 г., но лишь 23 октября банк довёл до сведения управляющего Государственным банком А.В. Коншина соответствующее постановление своего совета. Потенциальные участники ставили разные условия. Шлезингер писал по этому поводу Коншину: «Вполне разделяя мнение о полезности образования синдиката для поддер-

² Новое время. 1912. 21 сентября.

³ Вмешательство в операции на фондовых биржах с целью искусственного воздействия на курсы ценных бумаг.

⁴ *Маленький экономист* [Абельсон И.О.]. О синдикате банков // *Обозрение театров*. 1912. 20 октября. С. 17.

⁵ РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 1.

⁶ Там же.

жания ценностей, считал бы, однако, нецелесообразным, если бы поддерживались такие бумаги, цены которых, будучи тенденциозно повышенными, не оправдываются ни дивидендом последних лет, ни внутренней их стоимостью. Полезность результата синдиката поэтому стоит в зависимости от выбора бумаг, которые он будет поддерживать, и от правильной расценки их достоинства. Кроме того, по мнению совета банка, необходимо принять меры, чтобы отдельные банки, владеющие бумагами, подлежащими покупке, не помещали их за счёт синдиката. Существенное значение имеет также принятие мер против наплыва таких бумаг из-за границы»⁷.

Заведование операциями синдиката сосредотачивалось в ведении особого комитета под председательством управляющего Государственным банком. В его состав вошли представители от 8 банков: Петербургского международного, Русско-Азиатского, Волжско-Камского, учётного и ссудного, Русского для внешней торговли, Азовско-Донского, Московского частного и Московского купеческого⁸. В соглашении указывалась конечная дата существования синдиката — 30 июля 1913 г. Предусматривалось, что если к тому времени портфель бумаг не будет ликвидирован или же у участников возникнет желание продолжить деятельность данного объединения, то его судьба должна была быть рассмотрена на заседании комитета в июле. 11 мая 1913 г. министр финансов получил выписку из комитетского журнала, в котором отмечалось: «В виду наступления 30 июля с[его] г[ода] срока (окончания) договора синдиката, продолжить действия синдиката еще на 9 месяцев, т.е. по 30 апреля 1914 года на основаниях, изложенных в первоначальном договоре от 18 октября 1912 года»⁹. Коковцов одобрил это предложение, благодаря чему синдикат продолжил свои операции, и в дальнейшем такая процедура повторялась неоднократно.

Состав участников синдиката периодически менялся. Вскоре после основания из него вышел Русско-Английский банк, сославшись на то, что с 1912 г. объединение «не развивает эмиссионную деятельность на русских биржах, и в виду этого не является заинтересованным в усилении интервенции»¹⁰. В июле 1913 г. из соглашения вышел банкирский дом «Кафталъ, Гандельман и К^о». Свой выход его владельцы объяснили «неблагоприятно сложившимися... обстоятельствами»¹¹. Доли вышедших банков были перераспределены между другими участниками.

С 18 октября по 31 октября 1912 г. синдикат приобрёл разных дивидендных бумаг на 10 643 872 руб. и продал за то же время на 3 317 403 руб.¹² С 1 ноября 1912 г. по 30 апреля 1913 г. им было куплено 33 649 акций на сумму 11 052 205 руб. и продано 33 649 акций на сумму 11 513 918 руб. Прибыль составила 461 712 руб. 76 коп. и распределялась по следующим категориям: акции железных дорог — 1 235 руб., частных банков — 10 668 руб., нефтяных предприятий — 110 206 руб., металлургических — 339 602 руб. В пользу Государственного банка удерживались проценты (из 6% годовых), исчисленные им на затраченные по операциям синдиката суммы: за 1912 г. — 43 495 руб. и за 1913 г. — 47 017, итого — 90 512 руб. Оставшиеся 371 199 руб. были

⁷ Там же, л. 11.

⁸ Там же, л. 1—2.

⁹ Там же, л. 22.

¹⁰ Там же, л. 38.

¹¹ Там же, л. 27.

¹² Там же, л. 14—14 об.

распределены, согласно договору, между Государственным банком (34%, или 126 207 руб.) и частными банками, пропорционально долям их участия в синдикате. Коэффициент составлял 81 руб. 66 коп. на каждые 10 тыс. руб. участия. Таким образом, Волжско-Камский коммерческий, Русский для внешней торговли, Петербургский международный коммерческий, учётный и ссудный, Петербургский частный коммерческий, Русско-Азиатский, Русский торгово-промышленный, Азовско-Донской, Московский купеческий, Коммерческий в Варшаве Сибирский торговый и Соединённый банки получали по 14 291 руб. Русско-Французский, Русско-Английский, Петербургский торговый и Московский банки — от 10 207 до 10 208 руб. «И.В. Юнкер и К^о» получил 8 166 руб., а банкирские дома «Э.М. Мейер и К^о», «Маврикий Нелькен», «Лампе и К^о», «Братья Джамгаровы», «Кафтал, Гандельман и К^о», «Г. Лесин» — по 4 083 руб.¹³

В феврале—апреле 1913 г. настроения европейских бирж менялись в зависимости от слухов о военно-политической обстановке. Окончание Балканских войн принесло временное успокоение, но из-за угрозы новых конфликтов сохранялась неопределённость на фондовом рынке. Петербургская биржа так и не смогла восстановить прежние объёмы торгов, хотя в промышленности России не наблюдалось ни сбоев, ни спада производства. Влияние оказала также колоссальная масса бумаг, выпущенных за последние годы и не нашедших «крепких рук».

В июле 1913 г. операции синдиката возобновились, причём наибольшие затраты (9,5 млн руб.) пришлось на 2 июля. К 13 сентября 1913 г. они дали 266,5 тыс. руб. прибыли, из которых 223,5 тыс. руб., за удержанием процентов в пользу Государственного банка, подлежали распределению между остальными участниками объединения. Деятельность банковского «Красного креста» возобновилась 21 сентября 1913 г. К 1 января 1914 г. траты достигли 29 млн, а к 19 апреля — 47,4 млн руб.¹⁴ К 1 февраля 1914 г. расходы понизились до 15,3 млн, но затем снова стали возрастать — до 30 млн руб. к 21 марта.

Сильные колебания курсов с тенденцией к общему понижению оттолкнули от Санкт-Петербургской фондовой биржи широкую публику. Банкам также пришлось сократить биржевые операции. Временами собрания биржи проходили на грани паники, а заключённые сделки, как правило, отличались незначительными размерами. Преобладало предложение, которое зачастую не находило спроса. В прессе стали появляться статьи: «Где же выход?», «Что делать?», «Как оздоровить биржу?», «Биржевой кризис, или кризис биржи» и т.д. «Петербургский биржевой день» опубликовал мнения о положении дел на бирже более ста видных политиков, финансистов, учёных-экономистов, банкиров, членов Государственной думы, чиновников, биржевых маклеров. Большинство из них видело причину спада в чрезмерном выпуске ценных бумаг, приведшем к переполнению фондового рынка и резкому понижению цен. «Биржу тошнит от новых эмиссий, — писал профессор И.Х. Озеров, — у неё началась эмиссионная рвота»¹⁵. Газета резюмировала: «Банки во всем винят нового министра финансов. Министр винит банки. А биржевики винят и министра, и банки... министра бранят за слишком мизерные средства, ассигнованные

¹³ Там же, л. 16—17.

¹⁴ Там же, л. 65—67.

¹⁵ Петербургский биржевой день. 1914. 18, 29 апреля.

на интервенцию... Ругают банки («Красный крест») за то, что они проводят интервенцию таким образом, что от неё тошно становится»¹⁶.

30 января 1914 г. управляющим Министерством финансов был назначен П.Л. Барк. В прессе сообщалось, что, приступая к своим обязанностям, он якобы произнёс фразу: «Я не министр биржи, а министр финансов!». Ему приписывалось заявление, что при нём биржевой «Красный крест» работать не будет¹⁷. Однако уже 10 февраля состоялась встреча Барка и директора Кредитной канцелярии Д.И. Никифорова с представителями столичных банков и биржи¹⁸. На ней обсуждалось и возобновление деятельности банковского синдиката. Барк заявил, что «считает эту организацию желательной и даже необходимой в период замешательства и кризисов, какие возникают иногда под влиянием внутренних или внешних событий», но «в нормальное... время деятельность подобной организации является лишней»¹⁹. Отметим, что в бытность директором-распорядителем и членом правления Волжско-Камского коммерческого банка он неоднократно принимал участие в заседаниях синдиката и даже входил в число членов его комитета²⁰.

21 марта 10 банков образовали второй синдикат с целью противодействия значительным колебаниям, происходившим в то время на Петербургской бирже. Предельная сумма его затрат определялась в 30 млн руб. с распределением по 3 млн руб. между Волжско-Камским коммерческим, Русским для внешней торговли, Петербургским международным коммерческим, Петербургскими учётным и ссудным и частным коммерческим, Русско-Азиатским коммерческим, Русским торгово-промышленным, Азовско-Донским коммерческим, Московским купеческим, Сибирским торговым коммерческими банками. К 19 апреля 1914 г. общий синдикальный капитал составлял 60 млн руб., из которых уже произвели затраты на 47,5 млн руб.²¹ Предполагалось, что синдикат будет действовать до 31 декабря 1914 г.²²

11 апреля Коншин напомнил Барку, что поддержка синдиката Государственным банком является «противоуставной» и с ней можно мириться до тех пор, пока кратковременные затраты на неё не превысят 10—12 млн руб. Однако к тому времени они достигли уже 46 млн руб. и могли дойти до 100 млн, что угрожало интересам казны. В тот же день представители 10 банков — членов синдиката решили продолжить его операции и увеличить затрачиваемую Государственным банком сумму²³. Коншин докладывал Барку, что на этом совещании пытался узнать у банкиров, «чем объясняется замечаемое в последнее время резкое падение цен всех дивидендных бумаг, несмотря на крупную помощь, оказываемую биржевому рынку со стороны интервенционного синдиката?», «целесообразно ли производить дальнейшие затраты синдиката и есть ли надежда на то, что они приведут к благоприятным результатам?». Сам Коншин не знал, чем объяснить происходившие на бирже события, учитывая,

¹⁶ Там же. 1914. 15 апреля.

¹⁷ Финансовая беседа за неделю // Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1914. № 12. С. 2.

¹⁸ Банки и биржа. 1914. № 7. С. 1, 6.

¹⁹ Беседа министра финансов г. Барка с представителями банков // Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1914. № 7. С. 3—4.

²⁰ РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 1004, л. 46, 57, 58, 65 об., 66, 67, 68, 118, 120, 182, 183, 184, 186.

²¹ Там же, д. 1006, л. 68—69.

²² Там же, л. 34—34 об., 53—55, 56—57.

²³ Там же, л. 47, л. 33—33 об.

что экономическое положение страны крайне благоприятно, все промышленные предприятия развиваются полным ходом. При этом в частных банках «замечается обилие денег, не находящих себе достаточного спроса по активным операциям»²⁴.

Неблагоприятное положение биржевого рынка участники совещания связывали с недоверием публики к его устойчивости. Одной из причин скептицизма являлись производившиеся частными банками крупные выпуски акций тех предприятий, которые они финансировали. Это не только не приводило к новым подпискам, но и подталкивало держателей к реализации прежних бумаг, что вызывало общее падение цен. Вызывали недоверие и муссируемые в печати (особенно в «Новом времени») слухи об ожидаемом сокращении Государственным банком кредитов частным банкам и о возможном запрете приобретать недвижимую собственность предприятий, в состав правления которых входят иностранцы и евреи. Активно обсуждались слухи о решении правительства бороться с синдикатами и о его переходе от частного к казённому железнодорожному строительству.

Для восстановления доверия к бирже банкиры предполагали воздержаться на время от новых эмиссий, уменьшить ставки как по текущим, так и по онкольным (кредитным) счетам, оповестив публику о более льготном открытии онколя, и просить правительство сообщить о благоприятном положении промышленности России и ложности слухов о якобы готовящихся мероприятиях в банковской сфере²⁵. Ввиду значительного понижения цен дивидендных бумаг и нервного настроения на фондовой бирже совещание признало необходимым увеличить размер капитала, авансируемого Государственным банком синдикату, до 60 млн руб.

22 апреля 1914 г. новым управляющим Государственным банком был назначен И.П. Шипов — принципиальный противник биржевой интервенции на средства Государственного банка. 3 мая он писал Барку, что покупка дивидендных бумаг на бирже под крупные бланковые кредиты не предусмотрена уставом Государственного банка, а крупные интервенции за его счёт уже перестали сдерживать биржу. В случае потрясений на денежном рынке Государственный банк на интервенциях мог израсходовать значительную часть своих ресурсов²⁶. Расходы на нужды синдиката действительно сильно и надолго связывали казённые средства, отвлекая их от других операций. Однако, несмотря на решительные возражения Шипова, синдикат был сохранён.

3 мая участники «Синдиката 18 октября» продлили его действие до 1 февраля 1915 г., увеличив сумму затрат до 100 млн руб. 30 апреля 1914 г. был образован общий синдикат, который принял на свой счёт все произведённые обоими объединениями покупки по 3 мая 1915 г.²⁷ Доли участия Волжско-Камского коммерческого, Русского для внешней торговли, Петербургского международного коммерческого, Петербургского учётного и ссудного, Петербургского частного, Русско-Азиатского, Русского торгово-промышленного, Азовско-Донского коммерческого, Московского купеческого, Коммерческого в Варшаве, Сибирского торгового и Соединённого банков составляли

²⁴ Там же, л. 60—61.

²⁵ Там же, л. 62—64.

²⁶ Там же, л. 169—169 об., 174—177.

²⁷ Там же, л. 49—49 об., 81 об., 82.

6 млн руб. Русско-Французский коммерческий, Русско-Английский, Петербургский торговый, Московский банки вносили по 4,2 млн руб. Коммерческий банк «И.В. Юнкер и К^о» внёс 3,4 млн руб., а банкирские дома «Э.М. Мейер и К^о», «Маврикий Нелькен», «Лампе и К^о», «Братья Джамгаровы» и «Г. Лесин» — по 1,56 млн руб.²⁸ 13 мая Русско-Английский банк уведомил Шипова, что может участвовать лишь в размере 2 млн руб., после чего остальную сумму в 2,2 млн руб. приняли на себя в равных частях Международный, Русский для внешней торговли, Санкт-Петербургский учётный и ссудный банки²⁹. Заведование операциями синдиката по-прежнему находилось в ведении особого комитета под председательством управляющего Государственным банком и с участием выбранных им на определённый срок представителей пяти петербургских банков, двух московских, а также одной из банкирских контор. По истечении срока выбирались новые члены из числа других участников объединения³⁰.

На основе записки Шипова Барк подготовил всеподданнейший доклад, представленный им Николаю II 7 мая. В нём министр финансов утверждал, что «искусственная поддержка курсов обычно не достигает цели, и что посему кредитование синдиката в Государственном банке следовало бы прекратить». Однако «нельзя упускать из виду, что уверенность биржевых кругов в постоянной поддержке курсов дивидендных бумаг приучила биржу к полной зависимости от Министерства финансов и лишила её самостоятельности, вследствие чего приостановление кредита интервенционному синдикату во время депрессии биржи может повести к панике и к такому потрясению рынка, которое отзовется на благосостоянии довольно широких кругов публики, вовлечённых в биржевую игру». Это требовало «осмотрительности в деле перемены... банковской политики». По словам Барка, «как бы ни были желательны некоторые изменения, приступать к ним возможно только в периоды полного успокоения биржевого рынка, во времена же угнетённого его состояния не только нельзя приостанавливать открытых кредитов, но приходится считаться с необходимостью дальнейшего их расширения»³¹. На полях доклада Пётр Львович сделал помету: «По докладу моему и состоявшемуся постановлению кредитных учреждений 3 мая повышены затраты синдиката до 100 млн руб. Его императорскому величеству благоугодно было разрешить довести аванс из сумм Государственного банка до таких пределов»³². Неудивительно, что после этого в прессе его стали называть «щедрый папа-Барк»³³.

Австрийский ультиматум Сербии 10 июля 1914 г. и угроза европейской войны вызвали панику на мировых фондовых рынках. Не стала исключением и Петербургская биржа. Даже известия о созыве чрезвычайного собрания банковского «Красного креста», обычно действовавшие на неё успокоительно, не оказали на этот раз никакого влияния. 19 июля её пришлось закрыть. В Министерстве финансов считали это мерой предосторожности, особенно в первые дни войны³⁴. С 14 августа «в связи с ценами, не вполне отвечающими действительной стоимости», все российские газеты перестали публиковать фондо-

²⁸ Там же, л. 49—51 об.

²⁹ Там же, л. 51.

³⁰ Там же, л. 49 об. — 50, 82.

³¹ Там же, л. 48—48 об.

³² Там же.

³³ *Олоферн*. Розы и шипы интервенции // Банки и биржи. 1914. 21 июня. № 25. С. 3.

³⁴ РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 1397, л. 2.

вые котировки. 12 сентября был объявлен мораторий на все биржевые сделки с ценными бумагами и валютой, заключённые до начала войны, что привело к временному закрытию официальных бирж. Однако уже во второй половине сентября в Петрограде проходили частные биржевые собрания, на которых можно было совершать негласные сделки. К концу 1914 г. для большинства ценных бумаг установились определённые курсы.

24 января 1915 г. был подписан очередной договор между синдикатом 22 частных банков и Государственным банком о поддержке курса дивидендных бумаг до суммы 100 млн руб. с 1 февраля до 1 ноября. 27 февраля 1916 г. было решено продлить действие синдиката до 31 декабря³⁵. Между тем 8 февраля представители частных банков и банкирских домов заслушали и утвердили отчёт Шипова, который, соглашаясь с необходимостью продления действий синдиката, всё же попросил его членов обсудить возможность уменьшения затрат со 100 млн до 35,5 млн руб. и завершить их к 31 декабря 1916 г. Однако участники заседания, не возражая против намеченных Шиповым сроков, настаивали на сохранении выделявшейся им суммы. В итоге император 25 марта 1916 г. оставил её прежней³⁶. Тем временем рынок ценных бумаг, несмотря на официальное закрытие фондовых бирж, продолжал жить своей жизнью. По словам Барка, «частные биржевые собрания в первой половине месяца (февраля 1916 г. — *Авт.*) происходили в твёрдом и оживлённом настроении»³⁷.

В годы Первой мировой войны значительно увеличилась ёмкость российского фондового рынка, в основном за счёт эмиссии новых выпусков акций, разошедшихся без всякого участия банков. На старых ценностях это совершенно не отразилось. До огромной цифры в 8 млрд руб. увеличилась номинальная стоимость облигаций государственных займов, выпущенных за время закрытия биржи. Даже при отсутствии официальной котировки совершались значительные сделки с фондами, главным образом с рентой, военными займами и закладными листами земельных банков. Однако основным объектом операций являлись бумаги частных предприятий³⁸.

Слухи о скором возобновлении традиционной работы фондового рынка усиливали роль синдиката. На одном из совещаний представителей частных коммерческих банков выяснилось, что его капитал достиг 500 млн руб. После обмена мнениями было решено возобновить деятельность банковского «Красного креста» вместе с официальными биржевыми собраниями³⁹. Пресса в начале 1917 г. писала о желательности восстановления банковского синдиката сразу же после открытия фондовой биржи в Петрограде⁴⁰.

В середине января 1917 г. в помещении Петроградской биржи состоялось заседание котировальной комиссии с участием представителей Кредитной канцелярии, некоторых банков и всех присяжных фондовых маклеров. На нём была составлена официальная котировка всех биржевых бумаг на 1 января 1917 г. По распоряжению Министерства финансов в неё не включались только воен-

³⁵ Там же, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 125—126 об., 127, 128—129, 139—140, 142—146.

³⁶ Там же, л. 141—141 об.

³⁷ Там же, ф. 587, оп. 60, д. 35, л. 28.

³⁸ *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.). СПб., 2003. С. 474—475.

³⁹ Финансовая жизнь. 1917. № 2—3. С. 30.

⁴⁰ О желательности возобновить Синдикат после открытия биржи // Новый экономист. 1917. № 16. С. 5.

ные займы. Вместе с тем руководство финансового ведомства не сомневалось, что по самому характеру своей деятельности банковский «Красный крест» уместен «лишь в период всеобщего понижения биржевых ценностей»⁴¹.

На последнем заседании комитета синдиката 16 мая 1917 г. рассматривался составленный Государственным банком отчёт по его операциям с 1 июня 1913 г. по 26 апреля 1917 г. В соответствии с ним все дивидендные бумаги, числившиеся в портфеле синдиката, были реализованы, а стоимость 150 акций Международного коммерческого банка, оставшихся в Берлине, покрыта полученной прибылью. Общий доход составил 8 276 541 руб. После отчисления из этой суммы 6% годовых (6 557 299 руб.) чистая прибыль (1 719 242 руб.) была распределена между Государственным банком (584 542 руб., или 34%) и прочими участниками синдиката (1 134 700 руб.). В зависимости от доли участия им перечислялось по 68 082, 47 657, 38 579 или 17 701 руб.⁴²

Следует отметить важную роль синдиката, особенно петербургских и московских банков, в реализации государственных займов. Опыт сотрудничества Государственного банка с синдикатом, начавшегося ещё 20 октября 1899 г., активно использовался властями в деле привлечения свободных денежных ресурсов на нужды обороны. Так, 6 февраля 1915 г. был выпущен пятипроцентный заём на нарицательный капитал в 500 млн руб. В счёт этой суммы, согласно высочайше утверждённому мнению Комитета финансов, бумаги на 300 млн руб. предполагалось реализовать при участии синдиката петроградских и московских банков. Государственный банк, со своей стороны, открывал им особые подвижные кредиты под временные свидетельства и облигации займа 1915 г., которые принимались по 85 руб. (при сторублёвом номинале) и под 5% годовых. При этом проценты снимались только по расчёту действительных дней пользования кредитом и до истечения года после заключения мира⁴³. Такая практика взаимного сотрудничества для банков была особенно выгодна.

Внутренний пятипроцентный государственный заём 1915 г. выпускался достоинством в 50, 100, 200, 500, 1 тыс., 5 тыс. и 10 тыс. руб. Рента выплачивалась два раза в год (1 марта и 1 сентября) равными частями. Уплата процентов освобождалась от сбора с доходов от движения капиталов. Все облигации отмеченного займа предполагалось погашать в течение 49 лет путём ежегодных тиражей. Однако процесс погашения, конверсии или выкупа не мог начаться ранее 1 марта 1925 г. Данный заём стал реализовываться путём публичной подписки, которая началась 2 марта 1915 г. в Государственном банке и в синдикате из Волжско-Камского, Петроградского международного коммерческого, Русского для внешней торговли, Петроградского учётного и ссудного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского коммерческого, Русского торгово-промышленного, Сибирского торгового коммерческого, Петроградского частного коммерческого, Русско-Французского коммерческого, Петроградского торгового, Русско-Английского, Московского купеческого, Соединённого, Московского торгового, Московского частного коммерческого, Московского учётного, Московского народного, Коммерческого в Варшаве, Киевского частного коммерческого, Рижского коммерческого, Ростовского-на-Дону купеческого банков,

⁴¹ Биржа за неделю. 1917. № 2. С. 6.

⁴² РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 168—168 об.

⁴³ Там же, ф. 588, оп. 2, д. 196, л. 1.

а также банковских домов «И.В. Юнкер и К^о», «Бр. Джемгаровы», «Лампе и К^о», «Э.М. Мейер и К^о», «Маврикий Нелькен», «Г. Волкова с сыновьями».

Подписная цена составляла 94% от нарицательной стоимости, с прибавлением 5% годовых с 1 марта 1915 г. до дня уплаты. К 25 ноября 1915 г. в коммерческих банках подписка достигла 281,5 млн руб., а в учреждениях Государственного банка, казначействах и сберегательных кассах — 201 млн руб. Непосредственно в Петрограде через банковские структуры были размещены облигации на 50,6 млн руб., а всего по стране — на 483,5 млн руб.⁴⁴ В начале 1916 г. принимались экстраординарные меры к выпуску очередного военного займа на 2 млрд руб. — небывалую сумму в практике государственных заимствований. 15 марта 1916 г. началась подписка, причём реализацию большей части бумаг для последующего распространения и помещения в собственные портфели принял на себя синдикат частных банков. Из общей суммы займа коммерческие кредитные организации освоили 1,2 млрд руб.⁴⁵ Примечательно, что в реализации оставшейся части впервые участвовали учреждения мелкого кредита.

16 мая 1917 г. Шипов доложил министру финансов А.И. Шингарёву, что синдикат, который «по существу своему являлся продолжением ряда подобных синдикатов, образовавшихся с 1899 г. при Государственном банке», закончил деятельность⁴⁶. Шипов считал, что данное объединение выполнило свою задачу и в дальнейшем его сохранении не было необходимости. Таким образом, совместными усилиями Государственного банка и крупных финансистов удалось стабилизировать фондовый рынок России накануне и в годы Первой мировой войны. Несомненно, в силу ограниченности ресурсов роль синдиката не была определяющей, но он сдерживал тенденции к понижению стоимости ключевых корпоративных бумаг, не позволяя угнетённому состоянию биржи перерасти в панику.

⁴⁴ Там же, л. 4.

⁴⁵ Там же, ф. 587, оп. 60, д. 35, л. 34 об.

⁴⁶ Там же, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 169.